САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ЗА ДВЕРЬЮ ЗАКОНА

18+

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ РОМАН

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ЗА ДВЕРЬЮ ЗАКОНА -
Историко-литературный роман

https://litres.ru/74815752
SelfPub; 2026

Аннотация

«ЗА ДВЕРЬЮ ЗАКОНА» — роман о человеке за пределами привычного мира

судьбе Франца Кафки — писателя, чьё творчество стало одним из наиболее узнаваемых явлений мировой литературы XX века. Однако автор выбирает не традиционный путь биографического повествования, ограниченного датами, публикациями и перечислением исторических обстоятельств. В центре произведения находится человек, пытающийся найти равновесие между собственными стремлениями, семейными ожиданиями, служебными обязанностями и отношениями с миром.

Особое внимание уделено его дружбе с Максом Бродом, отношениям с Фелице Бауэр, Юлией Вохрыцек, Миленой Есенской и Дорой Диамант. Эти женщины представлены не просто эпизодами биографии, а самостоятельными участницами его судьбы, которые влияли на его представления о любви, близости и семейной жизни.

Роман рекомендуется читателям русской и мировой классической литературы, любителям историко-психологической прозы и всем, кого интересуют судьбы, стоящие за великими произведениями.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ ЗА ДВЕРЬЮ ЗАКОНА - Историко-литературный роман

ЗА ДВЕРЬЮ ЗАКОНА

Историко-литературный роман

ПРОЛОГ

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Кирлинг, близ Вены. Июнь 1924 года.

Комната была небольшой, почти пустой. В ней стояли кровать, стул, узкий столик и стакан воды, к которому больной уже давно не притрагивался. За окном начиналось лето. Деревья стояли в густой зелени, на дорожке возле дома иногда слышались шаги, а где-то неподалёку спокойно и равнодушно продолжалась жизнь.

Франц Кафка лежал неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию. Каждый вдох давался ему с трудом. Болезнь отняла у него голос, силы и почти всю возможность говорить, но не отняла ясности сознания. Напротив, в последние дни мысли становились особенно отчётливыми, словно всё ненужное наконец отступило и оставило человека наедине с тем, что он так долго пытался понять.

Возле кровати сидел Макс Брод.

Он приехал не как посетитель. Между ними существовала связь, которую трудно было определить одним словом. Дружба? Братство? Иногда — спор, иногда — взаимная усталость, иногда — почти болезненная необходимость быть рядом. Макс знал Франца много лет и привык к его молчанию, к внезапным сомнениям, к мучительной привычке проверять каждое собственное слово, прежде чем позволить ему выйти на бумагу.

Но сейчас он не знал, что сказать.

— Ты опять не спал? — спросил он.

Кафка едва заметно повернул голову.

Макс наклонился ближе. Он уже научился понимать отдельные движения больного, различать просьбу и отказ, улавливать смысл в том, что для постороннего выглядело бы бессвязным усилием.

На столике лежал конверт. Рядом — несколько листов, исписанных знакомым почерком. Франц долго смотрел на них, потом перевёл взгляд на друга.

— Это нужно сохранить? — спросил Макс, указывая на бумаги.

Кафка закрыл глаза. Нет. Не сохранять.

Он попытался поднять руку, но пальцы лишь слегка дрогнули. Брод понял, что речь идёт не об этих нескольких листах. Франц говорил о рукописях, о тетрадях, о незаконченных романах, о рассказах, которые никому не показывал, о

страницах, которые сам считал несовершенными и потому не хотел видеть в чужих руках.

Макс уже знал содержание последней просьбы. Он получил её не сегодня и не впервые слышал от Франца слова о необходимости уничтожить всё, что останется после него. Но теперь эти слова приобрели окончательный смысл.

— Франц, — произнёс он тихо, — неужели ты действительно этого хочешь?

Больной открыл глаза.

В них не было ни раздражения, ни гнева. Только усталость человека, который слишком долго спорил сам с собой и теперь не желал продолжать спор даже ради собственного спасения.

Он хотел, чтобы его не судили после смерти. Не разбирали по страницам, не искали в каждой строчке скрытого признания, не превращали его страхи в объяснение всей его жизни. Он хотел исчезнуть без остатка — так, словно никогда не пытался оставить миру свидетельство о том, что происходило внутри него.

Но разве человек способен распоряжаться тем, что уже однажды выпустил из собственной души?

Макс посмотрел на конверт. Он понимал, что перед ним не обычное распоряжение. Это была последняя воля друга, и нарушить её означало взять на себя ответственность, от которой нельзя будет уклониться.

— Я услышал тебя, — сказал он.

Кафка медленно отвернулся к окну.

За стеклом ветер шевелил листву. Несколько солнечных пятен скользнули по стене, коснулись края стола и исчезли. В комнате снова воцарилась тишина.

Макс остался сидеть возле кровати. Он не обещал того, чего не мог исполнить. И не сказал, что поступит иначе. Он просто смотрел на человека, который всю жизнь пытался найти дверь, ведущую к свободе, но всякий раз обнаруживал перед собой другую дверь, за которой начиналось новое ожидание.

Возможно, Франц чувствовал, что его просьба будет нарушена. Возможно, надеялся на это. А может быть, и сам уже не знал, чего хочет больше: чтобы его забыли или чтобы хоть кто-нибудь однажды прочёл его и понял.

Через несколько дней Франц Кафка умер.

Ему было сорок лет.

Он не оставил после себя завершённого большого романа, который считал бы достойным своего имени. Не создал литературной школы, не стал знаменитостью, не увидел, как его произведения выходят в широком мире. Он ушёл, убеждённый, что многое из написанного им не должно пережить автора.

Но рукописи остались.

И вместе с ними остался вопрос, на который Макс Брод должен был ответить уже без своего друга: имеет ли право человек уничтожить свидетельство о собственной жизни, ес-

ли это свидетельство может оказаться необходимым другим людям?

В тот день никто ещё не знал, что имя Франца Кафки станет одним из самых узнаваемых имён мировой литературы. Никто не мог предположить, что слово, образованное от его фамилии, однажды будет обозначать особое состояние человека, оказавшегося перед лицом безличной, непостижимой и почти всегда враждебной системы.

А сам Франц, вероятно, не удивился бы этому.

Он ведь давно подозревал, что мир устроен именно так.

Но чтобы понять, откуда взялось это подозрение, нужно вернуться назад — в Прагу, в июль 1883 года, когда родился мальчик, которому предстояло всю жизнь искать своё место среди людей и так и не почувствовать себя дома.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОМ, В КОТОРОМ НЕ ХВАТАЛО ВОЗДУХА

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КОГДА ЗАКРЫВАЕТСЯ ДВЕРЬ

В доме Германа Кафки редко бывало по-настоящему тихо.

Даже поздним вечером, когда торговые дела заканчивались, посетители расходились, а прислуга убирала комнаты, в стенах ещё долго сохранялось эхо дневной суеты. Где-то скрипела половица, за дверью слышались приглушённые голоса, на лестнице раздавались шаги, и всё это смешивалось с шумом старой Праги, не умевшей засыпать окончательно.

Маленький Франц лежал в своей кровати и смотрел на полоску света под дверью.

Он не знал, почему не может уснуть. В комнате было тепло, одеяло закрывало плечи, за окном не происходило ничего необычного. Но ему казалось, что стоит закрыть глаза, как в соседней комнате обязательно случится что-то важное, о чём он не узнает. Поэтому он прислушивался.

Иногда проходила мать. Её шаги были лёгкими, почти неслышными. Она могла остановиться у двери, заглянуть внутрь и спросить:

— Франц, ты ещё не спишь?

— Нет, мама.

— Почему?

Он хотел ответить, что ждёт её, но это было бы неправдой. Он ждал чего-то другого, чему пока не мог подобрать названия.

— Просто не хочется.

Юлия подходила к кровати, поправляла одеяло и проводила ладонью по его волосам.

— Завтра рано вставать. Постарайся уснуть.

Она говорила мягко, без раздражения. Франц любил эти минуты, потому что рядом с матерью ему не приходилось заранее готовить ответ. Можно было молчать, смотреть на неё и не опасаться, что молчание будет принято за непослушание.

Но мать уходила, и полоска света под дверью снова оста-

валась единственным свидетельством того, что за пределами его комнаты продолжается жизнь.

Отец возвращался домой иначе.

Его присутствие чувствовалось ещё до того, как он появлялся в комнате. Он говорил громко, уверенно, иногда резко. В его голосе почти всегда слышалась привычка распоряжаться. Герман Кафка был человеком, который привык полагаться на себя и не любил, когда обстоятельства или люди мешали ему добиваться поставленной цели.

Он поднялся не благодаря наследству или случайной удаче. Его детство прошло в более скромных условиях, чем те, которые теперь окружали его семью. Он знал цену труду, умел торговать, спорить, убеждать и не отступать перед трудностями. Собственный успех казался ему доказательством правильности избранного пути.

Поэтому он хотел, чтобы сын вырос человеком крепким, практичным и уверенным.

Однажды вечером Франц сидел за столом, когда отец вернулся из магазина. Мальчик что-то рисовал на листе бумаги. Он так увлёкся, что не сразу заметил вошедшего Германа.

— Что это у тебя? — спросил отец.

Франц поднял голову.

— Дом.

Герман посмотрел на рисунок. На нём были окна, крыша и длинная дверь, занимавшая почти всю стену.

— Странный какой-то дом. Почему дверь такая большая?

Франц пожал плечами.

— Не знаю.

— А кто там живёт?

— Пока никто.

Отец усмехнулся.

— Значит, дом ещё не готов.

Он снял пальто, положил его на спинку стула и позвал жену. Разговор о рисунке закончился, едва начавшись. Для Германа это была детская забава, не заслуживавшая дальнейшего внимания.

Франц снова посмотрел на свой дом. Ему хотелось объяснить, что дверь должна быть большой не потому, что через неё будут входить многие люди, а потому, что за ней находится что-то такое, чего он сам ещё не знает. Но он промолчал. Он уже понимал, что некоторые объяснения лучше оставлять при себе.

Впрочем, отец не всегда был строг. Он мог шутить, смеяться, рассказывать о покупателях и торговых неудачах, вспоминать людей, встреченных в поездках. Но даже в хорошем настроении Герман оставался человеком, рядом с которым трудно было забыть о разнице между взрослым и ребёнком.

Франц не умел противостоять этой разнице. Он не спорил с отцом, не пытался доказать свою правоту. Ему было проще отступить, согласиться или сделать вид, что вопрос больше его не интересует.

Позднее он будет вспоминать отцовские слова, жесты и даже выражение лица с поразительной подробностью. Но тогда, в детстве, он не анализировал происходящее. Он только чувствовал, что рядом с отцом должен быть осторожным.

Однажды ночью эта осторожность уступила место отчаянному желанию быть услышанным.

Франц проснулся и заплакал. Он был маленьким, испуганным и, возможно, просто хотел, чтобы кто-нибудь пришёл. Но плач продолжался, а в доме не любили ночных беспокойств.

Отец поднялся с постели.

— Что опять случилось?

Мальчик не мог объяснить. Он продолжал плакать, и Герман, теряя терпение, вынес его из комнаты и оставил на балконе, чтобы тот наконец успокоился.

Дверь закрылась.

Ночь оказалась огромной. За окном темнели дома, внизу лежала безмолвная улица, а за спиной была дверь, которую ребёнок не мог открыть и за которой находились люди, от которых он зависел.

Франц перестал плакать не потому, что перестал бояться. Просто страх оказался сильнее голоса.

Вскоре его вернули в постель. Утром никто не обсуждал случившееся. Для взрослых эпизод был закончен. Для ребёнка он не исчез.

Годы спустя Кафка вспомнит эту ночь в письме к отцу. Он

напишет о чувстве беспомощности, которое испытал перед отцовской властью, и о том, как легко взрослый человек может не заметить следа, оставленного его поступком в душе ребёнка.

Но до этого письма было ещё далеко.

Пока Франц рос, учился замечать то, чего другие не замечали, и постепенно привыкал к мысли, что собственные чувства не всегда можно доверить даже самым близким людям.

В доме появлялись новые детские голоса. Рождались его сёстры — Элли, Валли, позднее Оттла. Жизнь семьи становилась всё многолюднее, а обязанности родителей — всё многочисленнее. Франц не был лишён общения, но одиночество, которое он ощущал, не зависело от количества людей вокруг.

Иногда он уходил к окну и смотрел на улицу. Прага открывалась ему не как город из путеводителя, а как бесконечное движение незнакомых судеб. Люди торопились по своим делам, экипажи проезжали по мостовой, торговцы выкладывали товары, прохожие останавливались поговорить и снова исчезали за поворотами.

Каждый, казалось, знал, куда направляется.

Франц же ещё не понимал, куда должен идти сам.

Его мир состоял из маленьких вопросов, на которые взрослые отвечали слишком быстро, и больших переживаний, о которых он не решался спрашивать. Он не знал, что однажды именно вопросы станут основой его литературы, а

молчание — одним из самых выразительных её языков.

Он ещё не умел писать так, чтобы передавать словами то, что происходило внутри него. Но уже умел чувствовать расстояние между человеком и человеком, между произнесённым словом и его настоящим смыслом, между открытой дверью и возможностью войти.

И, вероятно, именно поэтому рисунок странного дома долго не выходил у него из памяти. Он не помнил, что стало с листом бумаги, куда его положили и сохранился ли он вообще. Но образ большой двери, за которой никто не жил, словно продолжал существовать где-то внутри.

Возможно, ребёнок просто хотел нарисовать необычный дом. Возможно, это была случайная фантазия, не имевшая никакого отношения к будущей судьбе писателя. Но Франц уже тогда чувствовал, что за привычным устройством жизни скрывается нечто, чего он не способен понять, а окружающие даже не подозревают о существовании этой тайны.

Он ещё не знал слова «закон». Не знал, что однажды напишет притчу о человеке, который всю жизнь ждёт разрешения войти. Но ощущение закрытой двери уже было ему знакомо.

И когда вечером мать вновь заглянула в комнату, спросила, не холодно ли ему, и пожелала спокойной ночи, Франц ответил, что всё хорошо. Он не стал рассказывать ей о своих мыслях. Ему хотелось, чтобы она осталась ещё немного, но он не попросил об этом.

Дверь закрылась, шаги удалились, и мальчик снова остал-

ся один.

За окном продолжала жить Прага, а в доме постепенно гасли огни. Франц лежал неподвижно и слушал тишину, словно пытался различить в ней чей-то далёкий голос.

Он ещё не знал, что всю жизнь будет искать слова для этого ожидания.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ОТЦОВСКИЙ ГОЛОС

Воскресное утро началось с запаха свежего хлеба и крепкого кофе. Юлия распорядилась накрыть стол в большой комнате, и к завтраку собралась вся семья. Герман сидел во главе стола, просматривал какие-то бумаги и время от времени бросал короткие замечания, на которые жена отвечала спокойно, не прерывая домашних хлопот.

Франц пришёл последним. Он задержался у окна, рассматривая прохожих, и не сразу услышал, как отец позвал его.

— Франц!

Мальчик вздрогнул.

— Иди сюда. Сколько раз нужно повторять?

Он сел на своё место, стараясь не задеть локтем чашку. Отец продолжал читать бумаги, будто ничего не произошло, но Франц уже чувствовал себя виноватым. Ему казалось, что теперь весь завтрак пройдёт под знаком этого маленького опоздания.

— Что ты делал у окна? — спросил Герман.

— Смотрел на улицу.

— На улицу можно смотреть и после завтрака. Утро не для праздного безделья.

Юлия поставила перед сыном тарелку.

— Он просто задумался, Герман.

— Вот именно. Всё время задумывается. А человеку нужно учиться делать дело, а не смотреть, как его делают другие.

Франц опустил глаза. Он не понимал, почему смотреть на улицу считается бездельем. Там двигались люди, проезжали экипажи, открывались двери лавок, кто-то нёс корзину, кто-то спорил с извозчиком. Разве всё это не было жизнью? И разве нельзя было хотя бы немного понаблюдать за ней, прежде чем самому отправляться по своим делам?

Но он не стал задавать этих вопросов.

— Ты сегодня пойдёшь со мной в магазин, — объявил отец. — Пора привыкать к настоящей работе.

Франц поднял голову.

— Сегодня?

— А когда же? В праздник?

Юлия посмотрела на мужа.

— Может быть, в другой день? Он обещал дочитать книгу.

— Книга подождёт. Жизнь не будет ждать, пока он дочитает все свои книги.

Герман сложил бумаги и отодвинул их в сторону. Для него разговор был окончен. Франц же ещё несколько минут сидел над тарелкой, не чувствуя вкуса еды. Он представлял се-

бе магазин отца: длинные прилавки, тяжёлые коробки, запах тканей и товаров, голоса покупателей. Там всё имело цену, назначение и своё место. Даже люди приходили туда с определённой целью.

Ему было трудно представить, какую пользу он сможет принести в этом мире.

Магазин находился неподалёку. Герман шёл быстро, не оглядываясь, и Францу приходилось почти бежать, чтобы не отставать. По дороге отец здоровался со знакомыми, обменивался несколькими словами с торговцами и успевал замечать то, на что мальчик обратил бы внимание лишь спустя несколько минут.

— Смотри под ноги, — бросил он, когда Франц остановился возле витрины.

За стеклом стояла деревянная лошадка с красной попоной. Она была совсем простой, но мальчик задержал на ней взгляд.

— Ты меня слышишь?

— Да, отец.

— Тогда иди.

В магазине было шумно. Один из служащих переносил коробки, другой записывал что-то в книгу, покупательница рассматривала товар, а Герман, едва переступив порог, сразу оказался в центре происходящего.

— Доброе утро, господин Кафка!

— Доброе, добрее некуда, если вы наконец получите то,

что заказали, — ответил он и рассмеялся.

Покупатель тоже улыбнулся. Герман умел расположить к себе человека, не теряя при этом деловой хватки. Он говорил уверенно, быстро находил нужные слова, убеждал и не позволял собеседнику слишком долго колебаться.

Франц стоял немного в стороне.

— Подойди, — позвал отец.

Мальчик приблизился.

— Вот мой сын. Франц. Пусть посмотрит, как работают взрослые люди. Когда-нибудь ему придётся заниматься этим самому.

Покупательница приветливо кивнула.

— Какой серьёзный мальчик.

— Серьёзный? — переспросил Герман. — Посмотрим. Пока больше любит смотреть по сторонам.

Он сказал это без злобы, но Францу стало неприятно. Он почувствовал, что теперь должен выглядеть особенно внимательным, и принялся следить за каждым движением отца.

Герман достал несколько образцов, разложил их на прилавке, назвал цены и объяснил преимущества товара. Покупательница долго выбирала, задавала вопросы, возвращалась к уже просмотренным вещам. Франц удивлялся терпению отца. Тот не повышал голоса, хотя было заметно, что повторение одних и тех же объяснений его утомляет.

Наконец сделка состоялась.

Когда женщина ушла, Герман повернулся к сыну:

— Ну что? Видел?

— Да.

— И что понял?

Франц немного помолчал.

— Она долго выбирала.

Отец посмотрел на него с недоумением.

— Это ты заметил? А то, что я продал ей товар, который она сначала покупать не собиралась, ты не заметил?

— Нет.

Герман покачал головой.

— Ты слишком рассеянный, Франц. Нужно смотреть не только на то, что человек делает, но и на то, чего он хочет.

Мальчик запомнил эти слова, хотя понял их не сразу.

Вскоре отец поручил ему отнести небольшую коробку в соседнее помещение. Франц взял её обеими руками и направился к двери. По дороге он увидел, как служащий уронил несколько свёртков. Мальчик остановился, чтобы помочь собрать их, и задержался всего на минуту.

Когда он вернулся, Герман уже ждал его.

— Где ты был?

— Помогал господину Шульцу.

— Я просил тебя отнести коробку, а не заниматься чужими поручениями.

— Но он уронил товар.

— И что? У нас каждый должен выполнять своё дело. Если будешь отвлекаться на всё, что происходит вокруг, нико-

гда ничего не закончишь.

Франц хотел сказать, что коробка уже доставлена и ничего плохого не случилось. Но отец смотрел на него так, словно речь шла о чём-то гораздо более серьёзном.

— Понял? — спросил Герман.

— Да.

— Тогда запомни.

Весь остаток дня Франц старался не отвлекаться. Он стоял возле прилавка, наблюдал за покупателями и выполнял небольшие поручения. Однако чем сильнее он пытался сосредоточиться на работе, тем чаще замечал то, что происходило вокруг: усталое лицо пожилого покупателя, раздражение служащего, нетерпение женщины, которая никак не могла решить, какой товар выбрать.

Ему хотелось понять, что заставляет людей говорить именно так, почему один человек сердится, другой улыбается, а третий долго молчит, хотя ему задают простой вопрос.

Вечером, возвращаясь домой, он шёл рядом с отцом.

— Ты сегодня был не совсем бесполезен, — произнёс Герман.

Франц посмотрел на него. Он не знал, следует ли радоваться этим словам или воспринимать их как очередное напоминание о том, что от него ожидали большего.

— Завтра у тебя занятия, — продолжил отец. — Не забывай, что учёба тоже требует дисциплины.

— Не забуду.

Герман ускорил шаг. Франц последовал за ним, держа руки в карманах пальто. На улице уже зажигались фонари, и в окнах домов появлялись тёплые огни.

— Отец, — неожиданно произнёс он.

— Что?

— А тебе нравится твой магазин?

Герман остановился и посмотрел на сына.

— Что за вопрос?

— Просто интересно.

Отец помолчал, словно решал, стоит ли отвечать на подобную нелепость.

— Мне нравится, когда дело приносит результат. Когда человек работает, он должен видеть, ради чего старается. Понимаешь?

Франц кивнул.

— А если он не видит?

— Значит, плохо работает.

Они снова пошли вперёд.

Франц больше ничего не спрашивал. Ему хотелось объяснить, что иногда человек может долго смотреть на одну и ту же вещь и всё равно не понимать, что она означает. Но слова не складывались в предложение, которое отец захотел бы выслушать.

Дома Юлия встретила их у двери.

— Ну как прошёл день?

— Спросите у своего сына, — ответил Герман. — Он се-

годня познакомился с настоящей работой.

— И как она ему понравилась?

— Не знаю. Он у нас человек загадочный.

Герман засмеялся и прошёл в комнату.

Юлия сняла с Франца пальто.

— Ты устал?

— Немного.

— Поужинаешь?

— Потом, мама.

Она внимательно посмотрела на него, но не стала расспрашивать. Франц прошёл к себе и сел за стол. Перед ним лежала раскрытая книга, оставленная ещё утром. Он провёл пальцем по странице, пытаясь вспомнить, на чём остановился.

Но мысли возвращались к магазину, к покупательнице, к отцовским словам и к вопросу, который так и остался без ответа.

Он открыл книгу и начал читать. За стеной разговаривали родители. Голос отца звучал громче, чем голос матери, и временами Франц различал отдельные слова. Он не прислушивался намеренно, но разговор всё равно проникал в комнату, как свет через неплотно закрытую дверь.

Постепенно он погрузился в чтение. Мир книги оказался устроен иначе: здесь человек мог долго молчать, прежде чем ответить, мог задавать вопросы, на которые никто не торопился давать объяснения, и мог оставаться наедине со свои-

ми мыслями, не оправдываясь за это.

Франц перевернул страницу. Впервые за этот день ему не нужно было торопиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
СРЕДИ ЧУЖИХ ГОЛОСОВ

Утро в Праге выдалось прохладным. Небо над крышами было затянуто облаками, мостовая после ночного дождя блестела, а прохожие торопились укрыться от ветра, который пробирался между домами и заставлял поднимать воротники пальто.

Франц шёл в школу рядом с отцом. Герману нужно было по пути заглянуть в магазин, поэтому он решил проводить сына лишь до перекрёстка.

— Не опаздывай, — сказал он, остановившись. — И смотри, чтобы учителя не жаловались на твою рассеянность.

— Хорошо, отец.

— И не стой там, как будто не знаешь, куда идти.

Франц поправил ремень портфеля и направился к школьному зданию. Он не обернулся. Ему почему-то хотелось, чтобы отец не видел, как он на мгновение замедлил шаг перед входом.

В школьном дворе уже собрались ученики. Одни громко разговаривали, другие обменивались новостями, несколько мальчиков гоняли мяч возле стены. Их голоса сливались в непрерывный шум, в котором отдельные слова теряли смысл.

Франц остановился у ворот.

— Кафка! Ты чего там стоишь?

К нему подошёл мальчик немного старше его, с живыми глазами и привычкой говорить так, словно весь двор обязан был его слушать.

— Ничего, — ответил Франц.

— Тогда пошли. Сегодня учитель обещал спросить тех, кто не выучил урок.

— Я выучил.

— Все так говорят.

Мальчик рассмеялся и побежал к товарищам.

Франц последовал за ним, но не стал участвовать в общей игре. Он устроился возле стены и достал из портфеля тетрадь. Ему нравилось рассматривать страницы, исписанные аккуратным почерком. Буквы стояли ровными рядами, каждая занимала своё место, и в этом порядке было что-то успокаивающее.

— Ты опять читаешь? — раздался голос рядом.

Франц поднял глаза. Перед ним стоял худощавый мальчик с тёмными волосами.

— Нет. Просто смотрю.

— На что?

— На тетрадь.

Незнакомец пожал плечами.

— Странно ты смотришь на вещи.

— А как надо?

Мальчик задумался, но ответа не нашёл.

— Меня зовут Оскар, — сказал он наконец. — А тебя я знаю. Ты Кафка.

— Франц.

— Я знаю.

Они некоторое время стояли молча. Оскар посмотрел на играющих ребят, потом снова на Франца.

— Ты почему с ними не играешь?

— Не хочется.

— Боишься проиграть?

— Нет.

— Тогда чего?

Франц пожал плечами.

Оскар не стал настаивать. Он присел рядом, достал из кармана яблоко и принялся есть.

— Знаешь, — произнёс он после паузы, — они иногда дерутся из-за пустяков. Вчера чуть не поссорились насмерть из-за мяча. А сегодня уже вместе играют.

— Может быть, они забыли.

— Что забыли?

— Из-за чего поссорились.

Оскар посмотрел на него с неожиданным интересом.

— Ты всегда так говоришь?

— Как?

— Будто всё вокруг означает что-то другое.

Франц улыбнулся, но ничего не ответил.

Прозвенел звонок, и мальчики направились в класс.

Учитель уже стоял возле стола. Это был сухощавый мужчина с аккуратно зачёсанными волосами и строгим выражением лица. Он не повышал голоса без необходимости, но умел одним взглядом заставить учеников прекратить разговор.

— Садитесь.

Шум постепенно стих.

Начался урок. Учитель говорил о прочитанном тексте, задавал вопросы, требовал точных ответов. Франц слушал внимательно. Он не любил отвечать первым, но когда его вызывали, обычно справлялся хорошо.

— Кафка, — произнёс учитель, — объясните, почему герой поступил именно так.

Франц поднялся.

— Он не хотел причинять неприятности другим людям.

— Это слишком общее объяснение. Что именно заставило его принять такое решение?

Мальчик задумался.

— Наверное, он боялся, что его неправильно поймут.

— Боялся? — переспросил учитель. — В тексте этого не сказано.

— Нет, не сказано.

— Тогда откуда вы это взяли?

Франц посмотрел на раскрытую книгу.

— Мне показалось, что он хотел объясниться, но не ре-

шился.

Учитель снял очки и некоторое время разглядывал ученика.

— Вы должны отвечать по тексту, а не придумывать то, чего автор не написал.

— Да, господин учитель.

— Садитесь.

Франц сел, но продолжал думать о герое. Ему казалось, что тот действительно хотел что-то объяснить. Возможно, автор не написал об этом прямо, но ведь не всё, что происходит с человеком, обязательно должно быть произнесено вслух.

После урока Оскар догнал его в коридоре.

— Ты зря сказал про страх.

— Почему?

— Учитель этого не любит.

— Но я так подумал.

— Вот именно. Ты всё время думаешь не о том, о чём спрашивают.

Франц посмотрел на товарища.

— А о чём нужно думать?

Оскар засмеялся.

— Ты невозможный человек, Кафка!

Они вышли во двор. Дождь прекратился, и над крышами показалась узкая полоса голубого неба. Ребята снова собрались возле стены, кто-то предложил игру, кто-то спорил о

правилах.

Оскар потянул Франца за рукав.

— Пойдём с нами.

На этот раз Франц согласился.

Игра была простой: нужно было перебросить мяч через нарисованную на стене линию, стараясь попасть в определённое место. Мальчики шумели, спорили, обвиняли друг друга в нечестности. Франц несколько раз промахнулся, но никто особенно не обратил на это внимания.

Когда очередь дошла до него снова, он бросил мяч слишком сильно. Тот перелетел через стену и исчез во дворе соседнего здания.

— Ну вот! — воскликнул один из мальчиков. — Теперь иди доставай!

Франц посмотрел на стену.

— А если там никого нет?

— Тогда ищи!

— А если дверь закрыта?

— Кафка, ты что, боишься двери?

Ребята рассмеялись.

Франц тоже улыбнулся. Он не хотел портить игру. Но ему действительно было интересно, почему все так уверены, что за стеной обязательно найдётся человек, который позволит им забрать мяч.

Вскоре появился школьный служитель и принёс мяч обратно. Игра продолжилась, а происшествие забыли.

Когда занятия закончились, Франц задержался у ворот. Оскар уже ушёл, остальные ученики расходились группами. Он поправил портфель и направился домой.

На перекрёстке его остановил пожилой мужчина, который никак не мог разобраться с ремнём своей сумки. Франц помог ему застегнуть пряжку.

— Благодарю, молодой человек.

— Пожалуйста.

— Хороший у тебя отец?

Франц удивился неожиданному вопросу.

— Да.

— Это хорошо. Отец должен быть для сына примером.

Мальчик кивнул. Мужчина ушёл, а Франц ещё некоторое время смотрел ему вслед.

Ему хотелось спросить, что делать, если отец является примером для всех окружающих, но рядом с ним самому почему-то трудно быть собой. Однако он не произнёс ни слова.

Вечером за ужином Герман спросил о школьных занятиях.

— Как прошёл день?

— Хорошо.

— Учитель доволен?

— Не знаю.

— Как это — не знаешь?

— Он сказал, что я должен отвечать по тексту, а не придумывать того, чего автор не написал.

Герман усмехнулся.

— И правильно сказал. Учёба требует точности.

Юлия посмотрела на сына.

— А что ты придумал?

— Я сказал, что герой боялся, хотя в книге этого не было.

— Почему ты решил, что он боялся?

Франц немного помолчал.

— Потому что он хотел что-то сказать, но не сказал.

Мать улыбнулась.

— Может быть, ты прав.

Герман отложил вилку.

— В литературе, как и в жизни, не нужно искать лишнего. Если человек хочет что-то сказать, он говорит. Если молчит, значит, ему нечего сказать или он не считает нужным говорить.

Франц посмотрел на отца.

— А если он не может?

— Что значит — не может?

— Если хочет, но не может.

Герман нахмурился.

— Тогда ему следует научиться говорить ясно.

Разговор закончился. Отец вернулся к ужину, мать занялась младшими детьми, а Франц продолжал сидеть за столом, словно ожидал, что кто-нибудь всё-таки ответит на его вопрос иначе.

Но никто не ответил.

Позднее, оставшись один, он открыл тетрадь и написал несколько строк о школьном дне. Не о мяче, не об уроке и не о споре с отцом. Он попытался записать разговор с пожилым незнакомцем, который сказал, что отец должен быть примером для сына.

Франц долго смотрел на написанное, потом зачеркнул последнюю фразу.

Ему казалось, что она не передаёт главного.

Он закрыл тетрадь и положил её в ящик стола.

За стеной снова послышался отцовский голос. Кто-то из домашних ответил ему, затем раздался смех. Франц прислушался, но не стал выходить из комнаты.

В тот вечер он впервые почувствовал, что среди множества человеческих голосов есть такие, которые невозможно услышать, даже если они звучат совсем рядом.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
ТИХАЯ СОЮЗНИЦА

Оттла была самой младшей из сестёр, и, пожалуй, единственной в доме, кто не считал необходимым объяснять Францу, каким он должен быть.

Она появлялась в его комнате без предупреждения, садилась на край кровати, заглядывала в книги, трогала лежавшие на столе карандаши и задавала вопросы, которые взрослым никогда не пришли бы в голову.

— Франц, а почему ты всё время пишешь?

— Не всё время.

— Почти всё время.

— А ты почему всё время приходишь ко мне?

Оттла задумалась.

— Потому что у тебя интересно.

— Что именно?

— Не знаю. У тебя тихо.

Франц улыбнулся.

— В доме тоже бывает тихо.

— Нет. В доме все ждут, когда кто-нибудь что-нибудь скажет.

Она произнесла это так серьёзно, что брат рассмеялся.

— А ты ничего не ждёшь?

— Я жду, когда ты покажешь, что пишешь.

Франц закрыл тетрадь.

— Это пока не готово.

— А когда будет готово?

— Не знаю.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Оттла спрыгнула с кровати и подошла к окну. На улице торговец выкладывал на телегу корзины с яблоками. Лошадь нетерпеливо переступала ногами, а хозяин пытался закрепить груз.

— Смотри, — сказала девочка. — Он всё время поправляет одну корзину, а другая падает.

Франц подошёл к окну.

— Наверное, верёвка плохо держит.

— А почему он не попросит кого-нибудь помочь?

— Может быть, не хочет.

— А если не справится?

— Тогда попросит.

Оттла повернулась к брату.

— А ты попросил бы?

Франц не сразу понял, что она имеет в виду.

— О чём?

— Если бы тебе было трудно.

Он посмотрел на неё, затем снова на улицу.

— Наверное.

— Не верю.

— Почему?

— Ты даже маме не всегда говоришь, когда тебе что-нибудь нужно.

Франц хотел возразить, но не нашёл подходящих слов.

— Вот видишь, — сказала Оттла. — Я права.

Она вернулась к столу и принялась рассматривать его карандаши. Один из них был почти совсем коротким, с потемневшим от частого прикосновения грифелем.

— Почему ты не выбросишь этот?

— Он ещё пишет.

— Но у тебя есть новые.

— Этот удобнее.

Оттла покрутила карандаш в пальцах.

— Ты странный.

— Ты уже говорила.

— Значит, это правда.

Она положила карандаш на место и устроилась возле окна. Некоторое время брат и сестра молчали. В этой тишине не было неловкости. Франц мог заниматься своими бумагами, а Оттла — смотреть на улицу. Никому не приходилось придумывать разговор только для того, чтобы заполнить паузу.

Вскоре дверь открылась, и вошла Юлия.

— Оттла, ты опять мешаешь Францу?

— Нет, мама. Мы разговариваем.

— О чём?

— О корзинах.

Юлия улыбнулась.

— Тогда не задерживайтесь. Францу нужно заниматься.

— Он уже занимается, — возразила девочка.

— Тем более.

Оттла поднялась, но у двери обернулась:

— Я ещё приду.

— Хорошо, — ответил Франц.

Когда мать и сестра вышли, он вернулся к столу. На странице оставалось незаконченное предложение. Он перечитал его несколько раз и вдруг заметил, что продолжать не хочется. Вместо этого он взял другой лист и написал короткую историю о двух людях, которые долго шли рядом, не произно-

ся ни слова.

Один из них всё время думал, что должен что-то сказать. Другой не задавал вопросов. Когда они расстались, первый понял, что всё это время боялся не молчания, а того, что его слова окажутся ненужными.

Франц перечитал написанное. Ему не понравилась последняя строка, и он попробовал заменить её. Потом зачеркнул новую фразу, вернулся к прежней и снова задумался.

За окном сгущались сумерки.

В соседней комнате мать разговаривала с отцом. Герман рассказывал о делах, жаловался на одного из служащих и обещал на следующий день уладить спор с поставщиком. Юлия слушала, иногда задавая вопросы. Их голоса были привычными, почти домашними, но Франц уже не вслушивался в них.

Он думал об Оттле.

В её присутствии ему не приходилось объяснять, почему он долго смотрит в окно, зачем хранит старый карандаш и почему не может закончить несколько строк, которые другим показались бы совершенно простыми. Она принимала всё это как нечто естественное, не требующее оправдания.

На следующий день сестра действительно пришла снова. Она принесла с собой маленькую деревянную фигурку, которую кто-то подарил ей, и попросила брата придумать для неё имя.

— Пусть будет Антон, — предложил Франц.

— Почему Антон?

— Потому что он похож на человека, которого зовут Антон.

— А если я хочу назвать его Михаилом?

— Тогда называй Михаилом.

Оттла нахмурилась.

— Ты даже не споришь?

— А зачем?

— Чтобы я знала, что ты действительно думаешь.

Франц взял фигурку, внимательно осмотрел её и вернул сестре.

— Мне всё равно, как ты его назовёшь. Главное, чтобы он тебе нравился.

Девочка задумалась, затем крепко прижала игрушку к груди.

— Тогда будет Михаил.

— Хорошее имя.

— Ты говоришь так, будто тебе всё равно.

— Нет, Оттла. Мне не всё равно.

Она посмотрела на него и, кажется, поверила.

Вскоре их позвали к столу. Оттла побежала первой, а Франц задержался, чтобы убрать бумаги. На столе осталась деревянная стружка от карандаша, несколько исписанных листов и открытая книга.

Он аккуратно сложил всё в ящик.

Впервые за долгое время ему не хотелось, чтобы день по-

скорее закончился. В доме всё оставалось прежним: отец по-прежнему распоряжался, мать старалась поддерживать порядок, младшие дети шумели, а за окнами жила многолюдная Прага. Но теперь у Франца было одно маленькое убежище, куда не требовалось получать разрешение на вход. Это была не комната и не место за закрытой дверью. Это было простое знание, что где-то рядом есть человек, которому можно ничего не объяснять.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ПЕРВЫЙ БУНТ

Годы проходили незаметно, но Франц менялся. Он уже не был тем мальчиком, который боялся задержать взгляд на отцовском лице, опасаясь неправильно понять его настроение. Теперь он научился отвечать, когда его спрашивали, выполнять поручения без напоминаний и даже иногда возражать. Правда, возражения его были короткими, а после них он ещё долго вспоминал разговор, пытаясь понять, не сказал ли чего-нибудь лишнего.

В гимназии ему приходилось нелегко. Учёба требовала усидчивости, дисциплины и умения запоминать большие объёмы материала. Франц обладал хорошей памятью и быстро усваивал то, что его действительно интересовало, но механическое заучивание вызывало у него внутреннее сопротивление. Он не любил повторять чужие слова, не понимая, зачем они нужны.

Однажды на уроке истории преподаватель рассказывал о

древних государствах. Он говорил о войнах, правителях, договорах и победах, перечисляя даты с такой уверенностью, словно сам присутствовал при каждом событии.

— История, господа, учит нас тому, что порядок является основой государства, — заключил он. — Без порядка любое общество обречено на распад.

Несколько учеников записали эту фразу. Франц тоже взял карандаш, но вместо записи нарисовал на полях тетради маленькую дверь.

— Кафка!

Он поднял голову.

— Повторите, что я только что сказал.

Франц попытался вспомнить последние слова преподавателя.

— Что без порядка общество не может существовать.

— Именно. А теперь объясните, почему.

— Потому что люди должны соблюдать общие правила.

— Хорошо. А если правила несправедливы?

В классе стало тихо. Преподаватель посмотрел на ученика поверх очков.

— Что вы имеете в виду?

— Если правило требует от человека того, чего он не может выполнить?

— Тогда он должен подчиниться установленному порядку.

— Даже если не понимает, почему?

— Разумеется. Не всякий человек способен оценить необходимость закона.

Франц хотел продолжить, но почувствовал, что одноклассники уже смотрят на него. Он не привык быть в центре внимания.

— Значит, достаточно того, что правило существует? — всё же спросил он.

Преподаватель положил мел на край доски.

— Кафка, вы пришли сюда учиться или спорить?

— Учиться, господин профессор.

— Тогда учитесь. А рассуждения о справедливости оставьте тем, кто занимается государственными делами.

В классе послышался приглушённый смех. Франц сел и больше не поднимал головы до конца урока.

После занятий его догнал Оскар. Они давно учились в одной гимназии, хотя теперь виделись не так часто, как прежде.

— Ты сегодня едва не поссорился с профессором.

— Я не хотел ссориться.

— Тогда зачем задавал такие вопросы?

— Мне хотелось понять.

— Что именно?

Франц посмотрел на товарища.

— Почему человек должен выполнять правило, если ему не объясняют его смысла.

Оскар засмеялся.

— Потому что иначе его накажут.

— Но это не ответ.

— Для меня вполне достаточный.

Они вышли на улицу. У дверей гимназии стояла небольшая группа учеников. Кто-то обсуждал предстоящие экзамены, кто-то спорил о политике, а двое мальчиков пытались выяснить, кому принадлежит найденная книга.

Оскар предложил зайти в кофейню, но Франц отказался.

— Мне нужно домой.

— Опять дела?

— Нет. Просто хочу пройтись.

— Тогда до завтра.

Оскар свернул на соседнюю улицу, а Франц продолжил путь один.

Он шёл медленно, рассматривая витрины. В одной из них были выставлены книги. Несколько томов стояли вертикально, другие лежали стопкой, рядом красовалась небольшая табличка с названиями и ценами. Франц остановился и прочитал несколько заглавий.

Внутри магазина молодой продавец разговаривал с покупателем. Тот долго перелистывал книгу, затем положил её обратно.

— Слишком дорого, — сказал он.

— Книга хорошая, господин.

— Не сомневаюсь. Но хорошая книга не всегда означает, что её нужно покупать.

Покупатель ушёл, а продавец принялся переставлять тома

на полке.

Франц продолжал смотреть на витрину. Ему хотелось войти и спросить, почему одни книги остаются непрочитанными, другие забываются, а третьи вдруг становятся необходимыми совершенно незнакомым людям. Но он понимал, что продавец вряд ли сможет ответить на такой вопрос.

Дома его ждал отец.

Герман сидел за столом, разбирая счета. Он поднял глаза, когда сын вошёл.

— Ты поздно.

— Задержался по дороге.

— Где был?

— У книжного магазина.

Отец отложил бумаги.

— Опять книги?

— Я просто смотрел.

— Франц, ты уже достаточно взрослый, чтобы понимать: одними книгами жизнь не построишь.

— Я знаю.

— Не уверен. В последнее время ты слишком много рассуждаешь о вещах, которые не имеют никакого практического значения.

Франц снял пальто и повесил его на крючок.

— А что имеет значение?

Герман посмотрел на него внимательнее.

— Работа. Обязанности. Умение отвечать за себя и за се-

мью. Ты думаешь, всё это появляется само собой?

— Нет.

— Тогда почему ведёшь себя так, словно время принадлежит только тебе?

Франц не ответил. Он хотел сказать, что время действительно принадлежит каждому человеку, но не в том смысле, который подразумевал отец. Однако спорить не стал.

— Я пойду заниматься, — произнёс он.

— Вот и хорошо.

Он направился к двери, но голос отца остановил его.

— И ещё, Франц. Не думай, что я не замечаю твоих успехов. Ты способный мальчик. Но способности без характера ничего не стоят.

Франц обернулся.

— А что такое характер?

Герман нахмурился.

— Это когда человек знает, чего хочет, и умеет добиваться своего.

— А если он не знает?

— Тогда пусть сначала определится.

— А если не может?

Отец резко отодвинул стул.

— Ты задаёшь слишком много вопросов!

Франц замолчал.

Герман снова взялся за бумаги. Через минуту разговор уже казался забытым, но Франц не мог избавиться от ощу-

щения, что в этот вечер он впервые позволил себе не отступить сразу.

В своей комнате он открыл тетрадь. На полях страницы всё ещё оставалась нарисованная дверь. Он долго смотрел на неё, затем провёл рядом ещё одну линию, обозначив стену.

Теперь дверь выглядела закрытой.

Франц положил карандаш и прислушался. В доме всё было спокойно. Мать разговаривала с прислугой, младшие сёстры играли, отец перелистывал бумаги.

Он не испытывал желания спорить с ними. Ему просто хотелось, чтобы однажды кто-нибудь задал ему вопрос и действительно захотел услышать ответ.

Но пока такого человека в доме не было.

И всё же в тот вечер Франц впервые почувствовал не только привычную робость, но и нечто похожее на сопротивление. Оно было ещё слабым, почти незаметным, но уже не исчезало после того, как разговор заканчивался.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЛ СЛУШАТЬ

В гимназии появился новый ученик. Его звали Хуго, он приехал из другого города и держался несколько обособленно. В отличие от большинства мальчиков, он не стремился сразу обзавестись друзьями, не участвовал в шумных спорах и предпочитал проводить перемены в библиотеке.

Франц впервые заметил его возле книжного шкафа. Хуго стоял на цыпочках, пытаясь достать с верхней полки толстый

том. Книга соскользнула и едва не упала на пол.

— Осторожно, — сказал Франц, подхватив её.

— Благодарю.

— Тяжёлая.

— Зато интересная.

Франц прочитал название на корешке.

— Ты уже читал её?

— Нет. Но мне посоветовали.

— Кто?

— Один человек, которого я встретил в Праге.

Хуго взял книгу и отошёл к окну. Франц последовал за ним.

— Ты недавно здесь?

— Три недели.

— И как тебе гимназия?

— Шумная.

— Это правда.

Хуго улыбнулся.

— А ты давно учишься?

— Несколько лет.

— Значит, привык.

— Не совсем.

Они посмотрели друг на друга. Франц заметил, что новый ученик не торопится заполнять паузы. Он не задавал вопросов только ради того, чтобы поддержать разговор, и не пытался казаться интереснее, чем был на самом деле.

— Что ты читаешь? — спросил Хуго.

— Разное.

— А что тебе нравится?

Франц задумался.

— Книги, в которых человек не всегда понимает, что с ним происходит.

— Такие книги бывают?

— Наверное.

— Тогда тебе придётся их написать самому.

Франц рассмеялся.

— Я ещё ничего не написал.

— Значит, самое время начать.

Звонок прервал разговор. Они вернулись в класс, но после занятий снова встретились у библиотеки.

Хуго предложил пройтись вместе. Они вышли на улицу и направились к набережной. Ветер с реки был прохладным, по воде скользили небольшие лодки, а на противоположном берегу возвышались старинные здания.

— Ты любишь Прагу? — спросил Хуго.

— Да.

— Почему?

Франц пожал плечами.

— Здесь можно долго ходить и каждый раз находить что-нибудь новое.

— А если ничего не находишь?

— Тогда можно просто идти.

Хуго рассмеялся.

— Ты отвечаешь так, будто не хочешь отвечать.

— Возможно.

Они остановились у перил. Некоторое время молча смотрели на воду.

— Мой отец считает, что я должен стать юристом, — неожиданно произнёс Франц.

— А ты?

— Не знаю.

— Тебе нравится право?

— Мне нравится разбираться в том, почему люди обязаны делать то, чего не хотят.

— Это не совсем одно и то же.

— Я понимаю.

Хуго повернулся к нему.

— А что ты хочешь делать на самом деле?

Франц долго не отвечал. Вопрос был простым, но почему-то казался гораздо труднее тех, которые задавали преподаватели.

— Я хочу писать.

— Книги?

— Не знаю. Может быть, рассказы.

— О чём?

Франц посмотрел на реку.

— О людях, которые не могут объяснить, что с ними происходит.

— Почему именно о них?

— Потому что их никто не слушает.

Хуго не стал смеяться. Он не сказал, что это странная тема или что такие истории никому не будут интересны. Он просто кивнул, словно услышал нечто вполне естественное.

— Тогда пиши, — произнёс он.

— Это не так просто.

— А что простого в том, чтобы делать то, что действительно хочешь?

Франц улыбнулся.

— Ты говоришь как взрослый.

— Не думаю, что взрослые всегда знают, что говорят.

Они пошли дальше.

По дороге Хуго рассказал о своей семье, о переезде и о том, как трудно ему было привыкать к новому городу. Он не жаловался, но Франц чувствовал, что за его спокойствием скрывается немало пережитого. Они говорили о книгах, преподавателях, школьных товарищах и о том, почему одни люди стараются всё время быть на виду, а другие предпочитают оставаться в стороне.

Разговор продолжался дольше, чем Франц ожидал.

Когда они наконец расстались, он почувствовал необыкновенную лёгкость. Ему не пришлось выбирать слова, опасаясь насмешки или упрёка. Не нужно было доказывать, что его мысли имеют право на существование.

Вечером он долго сидел за письменным столом.

На чистом листе появилось несколько предложений. Он писал медленно, иногда останавливался, перечитывал написанное и возвращался к началу. Сюжета ещё не было, герои не имели имён, а происходящее оставалось смутным. Но впервые Франц не пытался заранее решить, что именно должно получиться.

Он просто писал.

Позднее в комнату заглянула Оттла.

— Ты опять за своим?

— Да.

— Можно посмотреть?

Франц прикрыл лист ладонью.

— Пока нет.

— Значит, что-то интересное.

— Может быть.

— А ты расскажешь мне потом?

— Обязательно.

Оттла подошла ближе и положила на стол маленькое яблоко.

— Это тебе. Мама сказала, что ты давно не выходил ужинать.

— Спасибо.

— Только не забудь поесть.

Она уже собиралась уходить, но остановилась.

— Франц, ты сегодня какой-то другой.

— Какой?

— Не такой грустный.

Он посмотрел на неё и улыбнулся.

— Просто встретил одного человека.

— Хорошего?

— Кажется, да.

— Тогда пригласи его к нам.

— Посмотрим.

Оттла убежала, а Франц снова склонился над бумагой.

За окном постепенно темнело. В соседних домах зажигались огни, на улице становилось тише. Он написал ещё несколько строк и остановился, когда услышал шаги отца в коридоре.

Дверь открылась.

— Ты ещё не закончил?

Франц быстро накрыл лист тетрадью.

— Почти.

Герман посмотрел на стол.

— Что пишешь?

— Ничего особенного.

— Если это школьное задание, не откладывай.

— Это не задание.

— Тогда что?

Франц почувствовал, как внутри снова возникает знакомое напряжение.

— Просто пробую.

Отец подошёл ближе.

— Пробуешь что?

— Писать.

Герман посмотрел на сына, затем на тетрадь.

— Писать? А разве ты ещё не умеешь?

— Умею. Но не так.

— Как это — не так?

Франц не ответил.

Отец несколько секунд молчал, затем произнёс:

— Не забывай, что у тебя есть настоящие обязанности. И не трать всё время на пустяки.

Он вышел, оставив дверь открытой.

Франц долго смотрел на проём. Потом поднялся, подошёл к двери и тихо прикрыл её.

Вернувшись к столу, он снова открыл тетрадь. Написанное казалось ему несовершенным, но теперь это уже не имело большого значения.

Он продолжил.

Впервые желание писать оказалось сильнее опасения, что кто-нибудь сочтёт это занятие бесполезным. И хотя Франц ещё не знал, куда приведёт его эта дорога, отступать от неё ему уже не хотелось.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ПЕРВЫЕ СЛОВА

После разговора с отцом Франц несколько дней почти не открывал тетрадь. Он продолжал носить её в портфеле, слов-

но само присутствие тонкой обложки могло защитить его от ощущения, что он отступил. На уроках он слушал учителей, отвечал, когда его спрашивали, и старался не выдавать рассеянности. Но стоило ему остаться одному, как мысли возвращались к вечеру, когда Герман стоял у стола и смотрел на листы с таким недоумением, будто обнаружил в комнате незнакомую вещь.

Франц не сердился на отца. По крайней мере, не так, как сердятся люди, уверенные в собственной правоте. Он знал, что Герман трудился всю жизнь, привык решать вопросы прямо и не доверял занятиям, в которых нельзя было увидеть немедленного результата. Но сыну всё труднее становилось объяснить самому себе, почему то, что приносило ему тихую радость, должно было казаться пустяком.

В библиотеке Хуго заметил перемену первым.

— Ты сегодня молчишь больше обычного, — сказал он, отодвигая к Францу книгу.

— Разве это возможно?

— Значит, раньше я ошибался.

Франц улыбнулся. Они устроились у окна, где свет падал на страницы ровным прямоугольником. За стеклом дворник подметал дорожку, а несколько младших учеников спорили возле ворот.

— Я иногда записываю то, что думаю, — неожиданно сказал Франц.

— Это плохо?

— Не знаю. Отец считает, что мне следует заниматься более полезными вещами.

— А ты сам что считаешь полезным?

Франц не сразу ответил. Вопрос показался простым, но именно простота и мешала. Он привык искать оправдание своим желаниям, словно должен был представить доказательства перед невидимым судом.

— Мне кажется, иногда нужно записать мысль, чтобы она не исчезла.

— Тогда записывай.

— Ты говоришь так, будто всё легко.

— Нет. Я говорю так, будто это твоё дело.

Хуго вернулся к книге. Он не стал расспрашивать, что именно пишет Франц, и это молчание оказалось для него лучшей поддержкой. Впервые кто-то не потребовал объяснить, зачем ему нужно то, что он делал.

В тот день они вышли из гимназии вместе. Дорога шла мимо небольших лавок, мастерских и домов с потемневшими от времени фасадами. Хуго рассказывал о городе, из которого приехал, о прежней школе и о библиотеке, где ему разрешали задерживаться до самого закрытия. Франц слушал, иногда задавал вопросы, а потом заговорил о книгах, которые перечитывал не ради сюжета, а ради отдельных фраз.

— Ты читаешь так, будто ищешь в книге самого себя, — заметил Хуго.

— Возможно, я ищу там то, чего пока не умею сказать.

— Тогда тебе стоит продолжать.

У перекрёстка они расстались. Франц ещё долго шёл один, вспоминая разговор. Он понял, что дружба не обязательно начинается с откровенности. Иногда она начинается с того, что рядом с другим человеком перестаёшь защищаться.

Дома мать попросила его помочь разобрать покупки. Франц охотно принёс корзину на кухню и стал раскладывать продукты. Юлия заметила, что сын выглядит спокойнее.

— Хорошо погулял?

— Да. Мы с Хуго говорили.

— Он тебе нравится?

— С ним не нужно притворяться, что я знаю ответы на все вопросы.

Юлия посмотрела на него с мягкой улыбкой.

— Это хорошее качество в человеке. И в друге тоже.

Вечером Франц достал тетрадь. Он не стал перечитывать старые записи и не пытался придать им вид законченного произведения. На чистой странице написал несколько слов о человеке, который слушает, не торопясь вынести суждение. Потом остановился. Слова были простыми, но впервые ему не захотелось немедленно зачеркнуть их.

Он закрыл тетрадь и убрал её в ящик. За окном шумел город, в соседней комнате мать разговаривала с Оттлой, а из кабинета отца доносился ровный звук перелистываемых бумаг. Всё оставалось прежним, и всё же Франц чувствовал: в его жизни появилось место, где он мог быть самим собой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ТИШИНА ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Весна постепенно уступала место тёплым дням. В гимназии всё чаще открывали окна, и в класс проникали запах влажной земли, шум экипажей и голоса прохожих. Учителя напоминали об экзаменах, назначали дополнительные задания и требовали большей собранности. Для большинства учеников это было обычное время тревоги; для Франца — ещё и время, когда приходилось учиться распределять силы между тем, что от него ожидали, и тем, что он сам считал необходимым.

Хуго стал его постоянным спутником после занятий. Они не всегда шли одной дорогой: иногда задерживались в библиотеке, иногда сворачивали к реке, иногда просто стояли у книжной витрины, обсуждая названия и авторов. Их разговоры редко заканчивались выводом. Но Франц всё чаще замечал, что после них ему легче возвращаться домой.

— Ты когда-нибудь думал, кем станешь? — спросил однажды Хуго.

— Каждый день.

— И что решил?

— Пока ничего.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Хуго не стал смеяться.

— Мне кажется, взрослые боятся такого ответа больше,

чем неправильного выбора.

Франц посмотрел на него. Эта мысль показалась ему знакомой, хотя он никогда не формулировал её так ясно.

— А ты сам знаешь, чего хочешь?

— Нет. Но я не хочу, чтобы за меня решили, будто я уже знаю.

Они остановились у моста. Под ним медленно проходила вода, у берега покачивалась лодка, привязанная к деревянному столбу. Франц подумал, что неизвестность пугает его не сама по себе. Гораздо страшнее было однажды обнаружить, что он прожил чужую жизнь, потому что слишком долго ждал разрешения начать свою.

В следующие дни он старался заниматься усерднее. Учебники лежали на столе раскрытыми, записи были приведены в порядок, и даже Герман заметил, что сын стал меньше отвлекаться. Однажды отец задержался у двери и спросил, всё ли готово к экзаменам.

— Почти всё.

— Почти — это ещё не всё.

— Я знаю. Закончу.

Герман кивнул. В его голосе не было прежней резкости. Возможно, он решил, что сын наконец понял необходимость серьёзной работы. Франц не стал разубеждать его. Он действительно готовился и не собирался пренебрегать учёбой. Но теперь ему хотелось доказать прежде всего самому себе, что дисциплина и внутреннее стремление не обязаны быть

врагами.

В субботу Юлия попросила Франца сходить с ней на рынок. Они шли между рядами, выбирая овощи, фрукты и домашние мелочи. Мать здоровалась со знакомыми, иногда останавливалась поговорить, а Франц нёс корзину и наблюдал за людьми. Его занимали не столько лица, сколько короткие сцены: спор продавца с покупателем, усталый жест старика, девочка, которая крепко держала мать за руку.

— Ты всё рассматриваешь, — сказала Юлия.

— Просто смотрю.

— Иногда ты смотришь так, будто хочешь запомнить всё сразу.

— А разве это плохо?

— Нет. Только не забывай и жить, а не только наблюдать.

Он задумался над её словами. Мать сказала их без упрёка, почти шутливо, но Франц почувствовал, что в них есть правда. Он часто отступал внутрь себя, словно внешний мир был лишь материалом для будущих записей. Между тем этот мир продолжал жить, не ожидая, пока он найдёт для него точные слова.

Дома Оттла показала ему рисунок, который сделала в школе. На листе были изображены дом, дерево и две фигуры возле калитки. Одна фигура была заметно выше другой.

— Это мы с тобой? — спросил Франц.

— Конечно. Только ты всё время куда-то уходишь, поэтому я нарисовала тебя возле дороги.

— А ты почему у калитки?

— Я тебя жду.

Франц внимательно посмотрел на рисунок. Оттла уже убежала, не дожидаясь ответа. Он положил лист на стол и долго не убирал его. В детской простоте этих линий было больше доверия, чем в иных долгих разговорах.

Вечером он снова открыл тетрадь. На этот раз писал о людях, которые хотят добра, но не всегда умеют понять друг друга. Отец желал ему надёжного будущего, мать старалась уберечь от лишней боли, Хуго не навязывал советов, Оттла верила, что он всегда вернётся. Каждый по-своему был прав, и всё же ни один из них не мог прожить за него его собственную жизнь.

Франц остановился, перечитал написанное и оставил страницу нетронутой. За стеной часы пробили поздний час. Он закрыл тетрадь, приготовил учебники на утро и погасил лампу.

Впереди были экзамены, разговоры о будущем и решения, к которым он пока не был готов. Но теперь он уже знал, что не обязан торопиться с ответом только потому, что окружающим хотелось его услышать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
МЕЖДУ ДОЛГОМ И ЖЕЛАНИЕМ

Лето приближалось, и вместе с ним наступало время экзаменов. В гимназии почти не говорили ни о чём другом. Даже самые беспечные ученики теперь носили с собой учебни-

ки, повторяли даты, формулы и определения, а на переменах вместо привычных шуток обсуждали предстоящие испытания.

Франц готовился добросовестно. Он не любил оставлять дела незаконченными, хотя некоторые предметы давались ему с большим трудом. Особенно утомляли занятия, требовавшие механического запоминания. Он мог часами разбираться в сложном тексте, но бесконечное повторение сведений, не вызывавших у него интереса, быстро лишало его сил.

Однажды вечером отец вошёл в комнату и увидел на столе раскрытый учебник, рядом с которым лежала тетрадь.

— Опять пишешь?

Франц закрыл тетрадь.

— Готовлюсь к экзамену.

— Я спрашивал не об учебнике.

— Иногда записываю мысли.

Герман подошёл ближе.

— Какие ещё мысли? У тебя впереди экзамены. Сейчас нужно думать о том, что действительно важно.

— Я и думаю.

— Тогда не отвлекайся.

Отец взял учебник, перелистал несколько страниц и положил обратно.

— Ты должен получить образование, которое даст тебе возможность самостоятельно жить. Человек не может всю жизнь рассчитывать на родителей.

— Я понимаю.

— Не уверен, что понимаешь. Когда я начинал своё дело, у меня не было времени размышлять о том, нравится мне работа или нет. Нужно было зарабатывать, содержать семью, двигаться вперёд. Вот это и есть жизнь.

Франц посмотрел на отца. Он видел перед собой человека, который действительно многое сделал собственными руками. Герман не был праздным мечтателем, не ждал подарков судьбы и не привык отступать перед трудностями. В этом была его сила. Но сыну казалось, что отец признаёт только ту силу, которую можно измерить результатом.

— А если человек способен на что-то другое? — спросил Франц.

— Например?

— Я пока не знаю.

Герман усмехнулся.

— Вот когда узнаешь, тогда и поговорим.

Он вышел, оставив сына одного.

На следующий день Франц встретился с Хуго возле гимназии. Тот был необычно задумчив.

— Отец снова говорил со мной о будущем, — сказал Хуго.

— И что он решил?

— Что я должен стать врачом. Причём решил давно, а сегодня просто сообщил мне об этом ещё раз.

— А ты возражал?

— Пытался. Он сказал, что я слишком молод, чтобы по-

нимать, чего хочу.

Франц улыбнулся.

— Кажется, взрослые часто используют этот довод.

— А мы часто не можем ответить им ничего убедительного.

Они направились к реке. Вода медленно двигалась под мостом, отражая серое небо. На другом берегу рабочие разгружали повозку, неподалёку торговка раскладывала товар на небольшом столике.

— Знаешь, — сказал Хуго, — иногда мне кажется, что вся наша жизнь уже кем-то распределена. Сначала школа, потом профессия, потом семья, потом работа. И никто не спрашивает, хотим ли мы именно этого.

— Может быть, спрашивают, но не ждут ответа.

— Хорошо сказано.

— Я не хотел сказать ничего особенного.

Хуго остановился.

— Вот именно это ты и делаешь постоянно. Говоришь что-нибудь, а потом будто пугаешься собственных слов.

Франц рассмеялся.

— Возможно, потому что не всегда понимаю, что хотел сказать.

— А я думаю, что понимаешь лучше, чем показываешь.

Они долго гуляли, обсуждая книги, учителей и свои семейные обстоятельства. Разговор не привёл ни к каким решениям, но Францу стало легче. Впервые за последнее вре-

мя он почувствовал, что его сомнения не являются чем-то странным или постыдным.

Дома его ждала мать. Она разбирала бельё и попросила помочь ей сложить простыни. Франц охотно взялся за работу.

— Ты сегодня поздно, — заметила Юлия.

— Мы с Хуго гуляли.

— Хороший мальчик?

— Да. С ним можно говорить.

— Это редкое качество — уметь слушать.

Франц посмотрел на мать.

— Ты ведь тоже умеешь.

Юлия улыбнулась.

— Не всегда. Иногда я слушаю, но не знаю, чем помочь.

— А разве обязательно помогать?

Она задумалась.

— Нет. Иногда достаточно просто остаться рядом.

Эти слова он запомнил не потому, что они показались ему особенно мудрыми. Просто в них было что-то спокойное и надёжное, чего ему часто не хватало в разговорах с другими людьми.

Вечером Франц снова сел за учебники. Экзамены приближались, и он не собирался подводить родителей. Но прежде чем открыть очередную книгу, он достал тетрадь и перечитал несколько страниц. Там были неуклюжие фразы, недописанные сцены и наблюдения, которые теперь казались ему

почти чужими. Он не стал ничего исправлять. Закрыл тетрадь и положил её в ящик стола.

На этот раз ему удалось примириться с мыслью, что в его жизни могут существовать две обязанности: одна — перед семьёй и будущим, другая — перед самим собой. Как совместить их, он пока не знал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ВЫБОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Экзамены закончились без серьёзных неприятностей. Франц получил хорошие оценки, и дома это событие встретили с удовлетворением. Герман даже позволил себе несколько доброжелательных слов, хотя тут же добавил, что теперь сыну следует подумать о следующей ступени образования.

Лето прошло быстро. Франц больше времени проводил на прогулках, читал, иногда встречался с Хуго. В семье обсуждали дальнейшее обучение, и постепенно разговоры стали приобретать вполне определённое направление.

Однажды за ужином отец спросил:

— Ты уже думал, что будешь изучать в университете?

Франц отложил вилку.

— Думал.

— И что решил?

— Пока не решил окончательно.

Герман нахмурился.

— Это не ответ.

— Я рассматриваю несколько возможностей.

— Какие?

— История. Философия. Может быть, литература.

Отец посмотрел на него так, словно сын перечислил занятия, не имевшие отношения к настоящей жизни.

— И что ты собираешься делать с этими знаниями?

— Не знаю.

— Тогда зачем тратить на них годы?

Юлия подняла глаза от тарелки.

— Герман, он ещё выбирает.

— Именно поэтому я и спрашиваю. Университет — не место для бесконечных поисков. Нужно понимать, к чему стремишься.

Франц почувствовал, что разговор заходит в тупик.

— Возможно, я изучал бы право, — произнёс он.

Отец сразу оживился.

— Вот это уже разумнее.

— Но я ещё не уверен.

— Право даёт человеку образование, положение и возможность работать. Кроме того, оно требует дисциплины. Тебе это не повредит.

— Я знаю.

— Тогда вопрос почти решён.

Франц ничего не ответил. Он понимал, что отец уже принял его слова за согласие, хотя сам ещё не сделал окончательного выбора.

Позднее, оставшись в комнате, он долго сидел у окна. Внизу слышались голоса прохожих, звенел трамвай, где-то хлопнула дверь. Ему хотелось найти дело, которое не пришлось бы оправдывать перед другими. Но он не знал, существует ли такая профессия.

На следующий день он встретился с Хуго.

— Кажется, я буду изучать право, — сказал Франц.

— Ты сам этого хочешь?

— Не знаю.

— Тогда почему решил?

— Потому что это приемлемо для отца. И, вероятно, разумно.

Хуго посмотрел на него с любопытством.

— Ты говоришь так, будто выбираешь не профессию, а способ избежать спора.

Франц улыбнулся.

— Возможно, в этом есть доля правды.

— Но ведь университет — это несколько лет твоей жизни.

— Я понимаю.

— А если тебе не понравится?

— Тогда придётся терпеть.

Хуго покачал головой.

— Ты умеешь находить самые печальные решения.

— Зато они часто оказываются практичными.

Они вошли в кафе. Внутри было шумно, официанты сновали между столиками, посетители читали газеты и обсуж-

дали последние новости. Хуго заказал кофе, Франц попросил чай.

За соседним столиком двое молодых людей спорили о театре. Один утверждал, что современная сцена должна изображать настоящую жизнь, другой настаивал, что искусство обязано поднимать человека над повседневностью.

Франц невольно прислушался.

— Что думаешь? — спросил Хуго.

— Не знаю. Мне кажется, они оба правы и оба ошибаются.

— У тебя всегда есть третий ответ?

— Нет. Просто я не понимаю, почему нужно обязательно выбирать между двумя крайностями.

Хуго рассмеялся.

— Тебе следовало бы стать судьёй.

— Надеюсь, этого не произойдёт.

Они проговорили почти до вечера. Когда Франц возвращался домой, он уже не чувствовал прежней тревоги. Решение об изучении права постепенно переставало казаться ему окончательным приговором. Возможно, университет даст ему не только профессию, но и возможность встретить людей, с которыми можно будет говорить о вещах, не находивших места в семейных разговорах.

Начались вступительные хлопоты. Франц собирал необходимые документы, посещал учреждения, заполнял бумаги. В этих делах не было ничего увлекательного, но он выполнял их внимательно и без жалоб.

В день, когда вопрос с поступлением был практически решён, мать спросила:

— Ты доволен?

Франц некоторое время молчал.

— Я рад, что всё определилось.

— Это не совсем то, о чём я спросила.

Он посмотрел на неё.

— Наверное, я буду доволен, когда начну учиться.

Юлия поправила складку на скатерти.

— Главное, чтобы ты не потерял интерес к тому, что действительно любишь.

— А если оно не принесёт пользы?

— Не всё, что важно человеку, обязано приносить пользу другим.

Он хотел спросить, откуда она знает это, но не стал. Впервые за долгое время ему показалось, что мать говорит не только о книгах или учёбе, а о чём-то гораздо более личном.

Вскоре Франц переступил порог университета. Коридоры были полны молодых людей, каждый из которых пришёл сюда со своими ожиданиями, надеждами и страхами. Одни уверенно обсуждали будущую карьеру, другие искали знакомых, третьи растерянно изучали расписание занятий.

Франц остановился возле доски объявлений и стал читать список аудиторий. Ему предстояло войти в новую жизнь, но он ещё не знал, какое место в ней займут университетские лекции, случайные знакомства и книги, которые продолжа-

ли занимать его мысли гораздо сильнее, чем будущая профессия.

Он поправил ремень портфеля и направился по коридору вслед за другими студентами. Решение было принято, и теперь оставалось проверить его не словами, а самой жизнью.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Первые университетские недели оказались совсем не такими, какими Франц представлял их себе раньше.

Он ожидал, что за стенами гимназии начнётся другая жизнь, более свободная и насыщенная. Здесь, думал он, молодые люди смогут открыто спорить, задавать неудобные вопросы, обсуждать книги и не опасаться, что всякий разговор закончится наставлением о пользе труда и необходимости благоразумия.

Но университет оказался гораздо сложнее.

В аудиториях сидели сотни студентов. Одни внимательно записывали каждое слово преподавателя, другие старались занять места поближе к выходу, третьи уже успели обзавестись компаниями и разговаривали так, словно знали друг друга много лет. Немецкая речь звучала повсюду, но за пределами университетских помещений Прага напоминала о своей многоязычной природе: на улицах, рынках и в общественных заведениях постоянно сталкивались немецкие и чешские голоса.

Франц чувствовал себя немного растерянным. Он был

воспитан в немецкоязычной среде, однако город, в котором жил, принадлежал не только одному языку и одной культуре. Это ощущение присутствия нескольких миров одновременно сопровождало его с детства, хотя раньше он редко задумывался о его значении.

На первой лекции по юриспруденции профессор говорил о природе государства, праве и обязанностях гражданина. Его голос был ровным, почти бесстрастным. Он приводил определения, ссылался на труды известных учёных, время от времени записывал на доске отдельные понятия.

Франц слушал внимательно, но постепенно его внимание стало рассеиваться. Он пытался представить не отвлечённую систему, а человека, которому однажды придётся столкнуться с законом. Что будет чувствовать тот, кто не понимает, почему его обвиняют? Может ли закон оставаться справедливым, если человек не способен разобраться в его требованиях? И кто должен отвечать за ошибку, совершённую не из злого умысла, а по незнанию?

Он записал несколько вопросов на полях тетради.

После лекции один из студентов, сидевший рядом, заметил записи.

— Ты собираешься задавать вопросы профессору?

— Возможно.

— Тогда советую сначала выучить его определения. Он не любит, когда студенты начинают рассуждать раньше времени.

— А когда наступает подходящее время?

Студент рассмеялся.

— Когда получишь диплом.

Франц тоже улыбнулся, но спорить не стал.

В последующие дни он посещал лекции, знакомился с расписанием, изучал университетскую библиотеку. Постепенно обнаружилось, что право не вызывает у него отторжения. Напротив, в этой дисциплине было немало интересного. Его занимали сложные отношения между человеком и обществом, ответственность, вина, обязанность, границы личной свободы. Однако сухая форма преподавания часто мешала ему почувствовать живую сторону предмета.

Однажды он задержался в библиотеке и случайно услышал разговор двух студентов за соседним столом.

— Ты опять читаешь философию? — спросил один.

— А что мне ещё делать? Юридические учебники и без того никуда не денутся.

— Отец не будет доволен.

— Мой отец вообще редко бывает доволен.

Франц невольно улыбнулся. Эта фраза показалась ему знакомой.

Он поднял глаза и встретился взглядом с молодым человеком, который сидел напротив. Тот заметил улыбку.

— Вас тоже не устраивают семейные ожидания?

— Иногда они слишком велики.

— Тогда нам есть о чём поговорить.

Они обменялись несколькими словами, но разговор не получил продолжения: молодой человек должен был уходить на лекцию. Франц остался за столом, вернулся к книге и вскоре забыл о случайном знакомстве.

Вечером он встретил Хуго.

— Ну как университет? — спросил тот.

— Пока привыкаю.

— Уже разочаровался?

— Нет. Просто здесь не так свободно, как я ожидал.

— А ты думал, что свобода начинается с университетского порога?

— Наверное.

Хуго засмеялся.

— Тогда тебе предстоит ещё многое узнать.

Они прошлись по улице, обсуждая занятия и преподавателей. Хуго учился в другом месте, но его рассказы о студенческой жизни были похожи на то, что Франц наблюдал ежедневно.

— Знаешь, чего мне не хватает? — сказал Франц.

— Чего?

— Разговора, в котором не нужно заранее готовить ответ. Когда можно сомневаться, ошибаться, менять мнение и не бояться показаться смешным.

— Такие разговоры бывают, — ответил Хуго. — Просто нужно найти подходящих людей.

Франц посмотрел на освещённые окна домов. Возможно,

Хуго был прав. И всё же найти человека, с которым можно говорить без внутренней осторожности, было гораздо труднее, чем казалось со стороны.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
МЕСТО ДЛЯ СВОИХ МЫСЛЕЙ

Вскоре Франц обнаружил, что университетская жизнь состоит не только из лекций и экзаменов.

Были студенческие собрания, литературные вечера, разговоры в кафе, споры о политике, искусстве и общественных переменах. Молодые люди обсуждали новые книги, театральные постановки, философские идеи, иногда спорили до поздней ночи, а на следующий день снова сидели в аудиториях, стараясь не пропустить важного объяснения профессора.

Франц не стремился оказаться в центре этих событий. Он охотно слушал, иногда участвовал в беседах, но быстро уставал от шумных компаний. Ему было трудно привыкнуть к тому, что многие говорили не столько ради обмена мыслями, сколько ради возможности продемонстрировать собственную образованность.

Однажды вечером он оказался на литературном собрании, куда его пригласил знакомый студент. В небольшой комнате собрались молодые люди, интересовавшиеся современной немецкой литературой. На столе лежали журналы, сборники стихотворений и несколько книг, которые переходили из рук в руки.

Один из участников читал вслух стихотворение. После чтения началось обсуждение. Кто-то хвалил необычную форму, кто-то критиковал содержание, а один молодой человек заявил, что современная литература слишком увлечена переживаниями отдельной личности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.